

Вадим
КОЖЕВНИКОВ

Вадим
КОЖЕВНИКОВ

Щит и меч

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К58

Серия «Все в одном томе»

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В. Воронина

Кожевников, Вадим Михайлович.

К58 Щит и меч: [роман] / Вадим Кожевников. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 960 с. — (Все в одном томе).

ISBN 978-5-17-160754-8

За несколько лет до войны молодой советский разведчик Александр Белов превращается в прибалтийского немца Иоганна Вайса. Ему предстоит вжиться в роль чистокровного арийца, внедриться в нацистские ряды, подняться по карьерной лестнице как можно выше и раздобыть как можно больше ценных сведений, способных повлиять на ход войны...

В 1967 году роман лег в основу одноименной четырехсерийной экранизации Владимира Басова со Станиславом Любшиным и Олегом Янковским в главных ролях. Завоевав сердца зрителей, фильм полюбился нескольким поколениям, как и прозвучавшая в нем и ставшая знаменитой песня «С чего начинается Родина».

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-160754-8

© В.М. Кожевников, наследники, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Книга первая

1

Летом 1940 года в Риге был убит советский гражданин, по национальности немец.

Сотрудники латвийского уголовного розыска установили: убийство совершено из огнестрельного оружия особого вида, заряжающегося ампулами цианистого калия, при разрыве которых возникают концентрированные пары, мгновенно и бесшумно убивающие жертву.

Хотя у погибшего были похищены различные ценности: обручальное кольцо, часы, бумажник, — однако часть этих вещей удалось обнаружить в свертке, брошенном в канализационный колодец, что исключило версию об убийстве с целью грабежа.

Скорее можно было предполагать организованную террористическую акцию.

Убит был крупный специалист в области радиотехники — инженер Рудольф Шварцкопф.

Его сын Генрих Шварцкопф, студент Рижского политехнического института, потрясенный смертью отца, не дал никаких показаний.

В уголовный розыск был вызван Иоганн Вайс, слесарь-механик из авторемонтной мастерской, принадлежащей Фридриху Кунцу.

По имеющимся сведениям, Иоганн Вайс в день убийства длительное время находился в квартире Шварцкопфа, где монтировал какие-то приборы, заказанные инженером. Кроме того, Вайс состоял в дружественных отношениях с сыном Шварцкопфа, который увлекался мотоциклетными гонками, и Вайс, будучи хорошим механиком, внес полезные усовершенствования

в принадлежащий Генриху Шварцкопфу мотоцикл фирмы «Цундап», чем помог тому выиграть недавно состязания на кубок. Было известно, что Иоганн Вайс аккуратно посещает собрания «Немецко-балтийского народного объединения» и бесплатно отремонтировал автомашину крейслейтера этого «объединения» адвоката Себастьяна Функа, у которого он в свободное время работал шофером.

На допросе Иоганн Вайс вел себя крайне сдержанно, отвечал на вопросы уклончиво. А когда молодой сотрудник латвийского уголовного розыска в раздражении упрекнул Вайса, что тот не желает помочь следствию, хотя убит его соотечественник, Иоганн Вайс ответил, что не видит ничего удивительного в том, что убит именно его соотечественник. Ведь латыши относятся сейчас к немцам крайне недружелюбно.

Эти слова возмутили следователя. И он стал упрекать Вайса: как, мол, ему, молодому рабочему, не стыдно говорить подобные вещи. Разве Вайс не понимает, что именно теперь, как никогда, чувство пролетарской солидарности должно объединять всех рабочих, независимо от их национальности?

Вайс слушал серьезно, внимательно, но по его холодному, спокойному лицу нельзя было понять, как он воспринимает то, что ему говорит следователь — тоже молодой рабочий, только недавно ставший сотрудником уголовного розыска. Сюда его направила партийная организация стекольного завода, хотя к новой профессии он не имел ни призвания, ни способностей. Об этом сотрудник вгорячах тоже сказал Вайсу, но не вызвал у того никакого чувства.

Из уголовного розыска Вайс пошел в кафе, где заказал пиво, сосиски и неторопливо позавтракал. И столь же неторопливо отправился на остановку, пропустил один трамвай, сел только в следующий и всю дорогу меланхолично глядел в окно. Не доезжая остановки до дома, где жил крейслейтер «Немецко-балтийского народного объединения» адвокат Себастьян Функ, вышел и поспешно, чуть ли не бегом устремился вперед.

Себастьян Функ, упитанный, широкоплечий, почти квадратный человек с тугим животом и тяжело обвисшими щеками, неторопливо топтался возле подъезда своего дома. Когда Вайс подал к парадному старомодный «адлер», Функ с трудом влез на переднее сиденье и сердито спросил:

— Почему я должен ждать машину, а не машина меня?

Вайс кротко ответил:

— Извините, господин Функ, но у меня большие неприятности.

— Какие еще могут быть у тебя неприятности? — брезгливо буркнул Функ и пообещал: — Это я тебе сегодня сделаю неприятность. — Но все-таки, смилостивившись, осведомился: — Ну, что у тебя там такое?..

По мере того как Вайс подробно рассказывал, о чем его допрашивали в уголовном розыске, лицо Функа приобретало все более благодушное выражение. Он похлопал шофера по плечу:

— Это ничего, если тебя посадят. Им нужен преступник-немец. Ты немец.

— Но, господин Функ, вы ведь меня знаете. И я бы очень просил вас, если понадобится, быть моим адвокатом.

— Ничего не понадобится, — небрежно сказал Функ. — Ты рабочий, а рабочего они не станут подозревать.

— Ну какой же я рабочий? — горячо возразил Вайс. — Вы же знаете, я рассчитывал стать фермером. Я не знал, что ферма уже не принадлежит моей тетушке.

— Да, и потому, что ты этого не знал, ты несколько месяцев так трогательно ухаживал за своей больной тетушкой, что вся община говорила о тебе как об исключительно порядочном юноше. Не удивляйся. Я, как крейслейтер, считал своим долгом знать о тебе все, чего даже ты о себе не знаешь.

— Но я же любил свою тетушку, хотя, конечно, сильно огорчился, что не получил наследства.

Функ покачал головой.

— Я полагаю, на кладбище ты плакал в равной мере и о тетушке, и о наследстве... — Спросил сухо: — Ты все еще колеблешься — ехать тебе на родину или оставаться с большевиками?

— Господин Функ, — сказал Вайс, — теперь я решил: ехать, и как можно скорее.

— Почему теперь, а не раньше?

— Сегодня в угрозыске я понял, как плохо здесь относятся к немцам. Господин Кунц обещал оставить мне свою мастерскую, чтобы я стал ее фиктивным владельцем. Я думал, что у меня здесь будет больше перспектив, чем на родине. Но мне теперь ясно, мастерскую конфискуют. И я буду вынужден пойти на завод простым рабочим. А я предпочитаю быть солдатом на родине, чем рабочим здесь.

— Вот теперь я слышу голос немецкой крови! — одобрительно закивал головой Функ.

Вечером, когда Вайс, вымыв машину, протирал стекла замшевым лоскутом, в гараже неожиданно появился Функ (раньше он туда никогда не приходил) и спросил:

— Ты собираешься сегодня к сыну Шварцкопфа, чтобы выразить ему соболезнование?

— Его отец всегда хорошо ко мне относился.

— Это я знаю, — сердито сказал Функ, — но не могу понять почему.

— Я всегда аккуратно выполнял его заказы.

— И еще?

— Я помогал ему в свободное время, ведь он был изобретатель.

— А над чем он работал?

— К сожалению, я недостаточно образован, чтобы понимать, над чем он работал.

— Да, глупая у тебя голова, — изрек Функ. Понизил голос, сказал твердо и веско: — А теперь слушай. Если ты решил уехать на родину, то это вовсе не означает, что ты уедешь туда, потому что мы этого еще не решили. Но мы решим, чтобы ты туда уехал, если уедет Генрих Шварцкопф. А чтобы он уехал, ему надо знать, что так же собирался поступить его отец.

— А разве он этого не знает?

— До последнего дня не знал. Он не знал, что недавно Рудольф прислал мне письмо... Ты скажешь Генриху, что у меня есть такое письмо.

— А может, лучше просто показать письмо Генриху, ведь он всегда делал то, чего хотел его отец.

Функ поморщился, но тут же, смягчаясь, сказал:

— Я тебе доверяю, Иоганн, доверяю, как своему сыну. Это письмо у меня пропало. И я думаю, его похитили агенты НКВД. И это они убили Рудольфа Шварцкопфа. Он им был нужен как крупный инженер, понимающий толк в технике военной связи. И когда они узнали, что Шварцкопф собирается уехать, убили его. — И произнес высокопарно: — Теперь наш долг — вернуть родине сына Шварцкопфа, дядя которого сейчас большой человек в Германии. Он мечтал прижать к сердцу брата и племянника, и я обещал ему, что по возвращении в Германию Шварцкопфы будут в исключительно привилегированном положении по сравнению со всеми нами. — Спросил: — Ты все понял?

— Да, я скажу Генриху, что буду самым преданным ему человеком, если он согласится в ближайшие дни уехать.

— Это так, но и мне ты тоже кое-чем обязан, — напомнил Функ. — Без моего согласия тебе не выбраться отсюда.

...Даже лучший специалист не смог придать умиротворенного выражения искаженному ужасом лицу Рудольфа Шварцкопфа, — в гробу его прикрыли крепом.

Немцы, жившие в Риге, недолюбливали Шварцкопфа за высокомерие, проявляемое к влиятельным соотечественникам, и за слишком демонстративное уважение к профессору Гольдблату.

Дружить с евреем, пусть даже он гений, — ведь это вызов обществу!

Ходили слухи, будто бы Шварцкопф потребовал от сына, чтобы тот просил руки дочери профессора Гольдблата. Правда, поговаривали также, что если соединить работу Гольдблата — ученого-теоретика — с энергичной деятельностью Шварцкопфа в области техники, то это сулит такие патенты, приобретением которых могут заинтересоваться даже великие державы.

Высокий, статный, со строгим лицом и с надменными манерами, Рудольф Шварцкопф сумел создать себе репутацию волевой, решительной натуры, но, в сущности, был человеком крайне неуравновешенным, мнительным и болезненно самолюбивым.

Нежелание Шварцкопфа переселяться в Германию объяснялось главным образом тем, что у него там был младший брат, которого он не без основания считал бездарным, тупым пруссаком. Прижитый отцом от горничной еще при жизни жены и впоследствии усыновленный, он теперь стал крупной фигурой в гитлеровском рейхе. И он, несомненно, воспользуется своим положением, чтобы по-своему отомстить старшему брату за его брезгливо-высокомерное отношение к себе: будет оказывать ему снисходительное покровительство, требуя взамен почтительности к своей матери, бывшей горничной Анни, а ныне вдовствующей госпоже фон Шварцкопф.

Рудольф Шварцкопф знал почти все, что имело отношение к радиотехнике, и почти ничего не знал в других областях человеческой мысли.

К фашизму он относился терпимо, считая, что фашизм выражает слепое отчаяние нации, униженной военным поражением. И победы, которые одержала сейчас Германия в Европе, он объяснял тем, что народы поверженных государств обладают нормаль-

ным человеческим мышлением, чуждым идеям иступленной жертвенности во имя мирового господства или любви к отечеству.

Брат Рудольфа, штурмбаннфюрер Вилли Шварцкопф, неоднократно писал крейслейтеру Функу, что теперь, когда Латвия стала социалистической, дальнейшее пребывание там Рудольфа может повредить его, Вилли, партийной карьере, и требовал от крейслейтера принятия решительных мер.

Незадолго до убийства Рудольфа Шварцкопфа председатель Совнаркома Латвии посетил инженера и спросил, как тот отнесется к выдвижению его кандидатуры на пост директора научно-исследовательского института.

Шварцкопф сказал, что подумает.

В тот же день к нему без предупреждения явился крейслейтер Функ и с возмущением заявил, что немецкие круги в Риге считают поведение Шварцкопфа предательским по отношению к национальным интересам рейха.

Генрих не придал особого значения чрезвычайной взволнованности отца после этого визита. Раздраженное самолюбие инженера особенно страдало, когда ему напоминали о брате-штурмбаннфюрере, проявляющем большую осведомленность о всех его делах и поведении.

Успокоился Шварцкопф только тогда, когда Иоганн Вайс принес заказанные ему приборы, выполненные не только с особой тщательностью, но и с дополнительными техническими усовершенствованиями, которые не были предусмотрены в чертежах.

Иоганн Вайс держал себя у Шварцкопфа непринужденно, но с тем особым тактом, который невольно импонировал инженеру, не терпящему никакой фамильярности.

Вайса отличали сдержанность, готовность услужить, но не было в нем и тени угодливости. Чувствовалось, что он преклоняется перед знаниями своего патрона. Однако его любознательность в области техники не простиралась дальше заказов, которые он выполнял. И когда Шварцкопф увлеченно начинал рассказывать о задуманных работах, Вайс вежливо напоминал, что он недостаточно образован и, к сожалению, ему трудно понять технические идеи, которые развивал перед ним Рудольф Шварцкопф.

С Генрихом Шварцкопфом у Вайса были самые дружеские отношения, но и с отцом и с сыном он держал себя со скромным достоинством человека, отлично сознающего разделяющее их неравенство в положении.

Несмотря на это, Генрих неоднократно уверял, что Иоганн — настоящий друг, и даже ввел его в дом профессора Гольдבלата, дочь которого Берта по воскресеньям собирала у себя молодежь, преимущественно музыкальную. Берта училась в консерватории, но уже давала концерты, и не только в Латвии: года два назад она выступала в Стокгольме и Копенгагене. На музыкальных вечерах Иоганн Вайс скромно сидел где-нибудь в уголке. А перед ужином отправлялся на кухню и помогал кухарке нарезать тонкими ломтиками ветчину для сэндвичей, откупоривал бутылки, колот лед для коктейлей.

Когда Генрих спрашивал Иоганна, какого он мнения о Берте, Вайс говорил:

- Красивая!
- Ну а еще?
- Талантливая...
- Ну-ну, дальше? — нетерпеливо требовал Генрих.
- И она будет знаменитой.

Генрих мрачнел и говорил, нервно дергая плечом:

— Вот именно. И ей нужен супруг, который будет таскать за ней чемодан, оклеенный этикетками всех отелей мира. И отец требует, чтобы я женился на этой гордячке во имя его целей; он хочет сделать профессора сотрудником своей фирмы «Рудольф Шварцкопф».

- Но почему ты считаешь ее гордячкой?
- А потому, что она со своим фортепьяно мечтает о личной власти над толпой так же, как мы, немцы, о мировом господстве!

— Ну, это не одно и то же...

Генрих произнес раздраженно:

— Отец, пожалуй, не очень-то симпатизирует фашизму. Он сам хочет прибрать к рукам Гольдבלата, претворить его замыслы в патенты и стать единоличным властелином фирмы, торгующей техническими идеями. И таким способом диктовать свою волю самым крупным мировым концернам.

- Он технократ и фантазер.
- Но он очень талантливый человек. А я?

Вайс заколебался:

— Ты слишком разбрасываешься. И, по-моему, излишне увлекаешься спортом.

- Это помогает ни о чем не думать.
- По-моему, это невозможно — не думать.

— Вот я и стремлюсь к невозможному, — резко закончил разговор Генрих.

Иоганн Вайс последние месяцы всегда сопровождал Генриха на мотодром и на взморье, где Генрих тренировался на мотоботе.

Месяца три назад, когда они однажды вышли в море в плохую погоду, разразился шторм. Сильной волной мотобот перевернуло. Вайс спас Генриха. Но когда Генрих торжественно заявил, что вся Рига узнает о подвиге Иоганна, Вайс попросил Генриха никому об этом не говорить; если появится заметка в газете, владелец автомастерской Фридрих Кунц уволит его с работы, потому что владельцы мастерских, обслуживающих моторные суда, обвинят Кунца в том, что он нарушает коммерческие правила, посылая своего рабочего обслуживать спортивные катера.

Просьбу Иоганна Генрих выполнил. Сдержанность Вайса он считал выражением ограниченности его натуры, чуждой страстей, увлеченности чем-либо возвышенным, а его рассудочность принимал за чисто национальный практицизм, внушенный старонемецкой добропорядочностью, не более.

О своем детстве Вайс рассказывал неохотно, ссылаясь на то, что рано осиротел. Работал он на ферме, принадлежащей эмигрантам из России. Родственную ласку узнал, только поселившись у тетки, которая взяла его к себе, когда к ней пришло одиночество и страх смерти. Эта тетка помогла ему почувствовать себя снова немцем. У нее была хорошая библиотека. И только из книг он узнал кое-что о своей родине, которую он, конечно, любит, но, увы, недостаточно знает. Но лекции в клубе объединения помогли ему более полно узнать то, что он знал лишь поверхностно.

В мотоклубе Вайс бывал только в качестве личного механика Генриха и никогда не переступал черты, отделяющей технического работника от истинного спортсмена. Он не отказывался подготовить машину к пробегу, произвести на месте мелкий ремонт, но, закончив работу, каждый раз писал на блокноте счет, отрывая листок, давал его владельцу машины и недовольно хмурился, если с ним затягивали расчет.

Получая сверх положенного, он сдержанно благодарил, но никогда при этом не улыбался,

Со спортсменами держал себя с чопорной вежливостью. И хотя он нравился некоторым девицам в вызывающе обтягивающих фигуру кожаных костюмах, ни одну из них не соглашался сопровождать в далекие загородные поездки. И когда Генрих, смеясь,

спросил, не боится ли он потерять невинность, Иоганн серьезно ответил, что больше всего боится потерять клиентуру мастерской: он только следует правилам поведения, которые ему внушил господин Фридрих Кунц.

Генрих назвал это проявлением рабской психологии,

Иоганн ответил, что настолько дорожит своей службой, что ради нее готов отказаться от многих удовольствий.

Генрих усмехнулся:

— На твоём месте я бы из одного чувства классового протеста поторжествовал над буржуазией. Тем более — внешние данные для этого у тебя вполне подходящие.

Иоганн пожал плечами и заявил, что, хотя теперь он действительно рабочий, это вовсе не означает, что он останется им навсегда.

— Ну да, — усмехнулся Генрих, — ты рассчитываешь, что, как только переселишься в рейх, перед тобой откроются блестящие перспективы!

— Нет, — сказал Иоганн, — на особо блестящие перспективы я не рассчитываю. Я знаю, что в Германии меня сразу возьмут в солдаты.

— И все-таки хочешь уехать.

— Я не расстался со своими колебаниями, — с грустью признался Иоганн, — но я немец, и долг для меня превыше всего, хотя я и понимаю, что быть солдатом не самая завидная участь.

— Не унывай, старина! — Генрих снисходительно похлопал его по плечу. — Дядя Вилли заочно испытывает ко мне родственные чувства. Он большой человек, и даже если мы с отцом не поедем в Германию, мы дадим или, вернее, я дам тебе письмо к дяде, и он тебя сунет куда-нибудь, где тебе будет потеплее. Можешь быть уверен.

— Я буду за это весьма признателен, — учтиво сказал Вайс, — тебе, твоему отцу и господину Вилли Шварцкопфу.

— Ну, отец-то его недолюбливает, считает плебеем, ревнует к фамильной чести нашего рода. А дядя меня очень зовёт, писал, что уже заказал для меня гоночную машину в Праге — он там близкий человек к гаулейтеру. Сейчас он снова в Берлине, но писал, что встретит нас с отцом на новой границе новой Германии и что мы даже не подозреваем, как она от нас близка.

— А какого класса машина? — заинтересовался Иоганн.

— В письме дядя подробно описал все ее технические достоинства.

— Мне было бы интересно ознакомиться,
— Пожалуйста, — сказал Генрих и протянул письмо Иоганну.
Вайс спросил:
— Но ты не возражаешь?
— Ну что ты!
Вайс пробежал глазами письмо, воскликнул восхищенно:
— Поздравляю! Это же отличная машина. — И вдруг заторопился, вспомнив, что обещал хозяину выполнить одну срочную работу.

2

Иоганн Вайс отправился к Шварцкопфам, надев черный галстук. Домоправительница принимала соболезнующих визитеров в гостиной. Люстра была затянута черным крепом.

Генрих Шварцкопф не выходил из кабинета отца. Но Вайсу домоправительница сказала, что молодой хозяин ждет его. Вайс полагал, что найдет Генриха убитым отчаянием, и был несколько удивлен, увидев, что тот деловито разбирает бумаги отца и укладывает их в два больших кожаных чемодана. Не подавая Иоганну руки, он сказал:

— Я уезжаю. Дядя сообщил телеграммой, что выедет встречать. — Лицо его было бледным, но не горестным, а скорее каким-то ожесточенным. Спросил вскользь: — Ты готов меня сопровождать?

Вайс кивнул. Потом добавил:

— Если крейслейтер господин Функ оформит мой выезд.

— Функ сделает все, что я ему прикажу, — властно заявил Генрих и злобно добавил: — Дядя писал, что этим типом еще займется гестапо. Функ должен был знать, что агенты НКВД готовят покушение на отца, чтобы помешать ему покинуть Латвию. И не принял мер для его спасения. Я уверен, Функ — советский агент. Он сам признался, что чувствует себя косвенным виновником смерти отца. Красным нужно было запугать немцев, которые решили покинуть Советскую страну. Функ утверждает, что якобы не знал, кого они намечают жертвами.

— И давно у Функа такие подозрения?

— Какое мне дело, давно или недавно? Важно то, что он сам мне в этом признался. И поплатится за это.

В комнату вошла Берта Гольдблат. Генрих окинул ее взглядом, заметил:

— О! Тебе идет черное!

Девушка, делая вид, что не придает значения этим словам, или действительно пренебрегая ими, осторожно и нежно притронувшись длинными, тонкими пальцами к плечу Генриха, сказала:

— У папы сердечный приступ. Он просит извинить, что не мог навестить тебя. — И, снимая черные перчатки, сообщила: — Мне предложили выступить в Москве с концертной программой, но я отказалась. — Она опустила глаза, как бы объясняя, почему отказалась: — У тебя такое горе, Генрих!..

Генрих дернул плечом.

— Евреи — в Москву! Немцы — в Берлин! — Оглянулся на Вайса, показав глазами на Берту, спросил: — Любуешься, верно? Ей идет черное! Но в Берлине ты не увидишь еврейки, которая носила бы траур по немцу.

Берта гордо вскинула голову.

— В Берлине вы также не увидите немку, которая носила бы траур по евреям, которых там убивают...

— Фашисты, — добавил Вайс.

— Давайте лучше выпьем, — примирительно предложил Генрих и, наливая вино в бокалы, озабоченно сказал: — Я очень огорчен болезнью твоего отца, Берта. Но у меня к нему неотложная просьба, которую он, как честный человек, несомненно бы выполнил. Поэтому я обращаюсь с той же просьбой к тебе. У вас в доме есть некоторые бумаги, касающиеся работ моего отца. Я прошу, чтобы мне их вернули, хотелось бы получить их сегодня же.

— Но твой отец работал вместе с моим. Как я могу без помощи папы отличить, какие именно бумаги принадлежат твоему отцу?

— Это тебе посоветовал... Функ? — спросил Вайс у Генриха.

Генрих замаялся. Он никогда не лгал. Произнес уклончиво:

— Разве я не могу настаивать, чтобы все, что принадлежало отцу, было возвращено мне, как наследнику?

— А мне кажется, на этом настаивает Функ, — сказал Вайс.

Генрих бросил гневный взгляд на Иоганна, но тот, ничуть не смущаясь, объяснил:

— Господин крейслейтер обязан в какой-то степени заниматься всеми делами здешних немцев — это естественно. — И предложил: — Если хочешь, я помогу фрейлен Берте разобраться в бумагах. Я хорошо знаю почерк твоего отца, кроме того, он поручал мне незначительные чертежные работы.